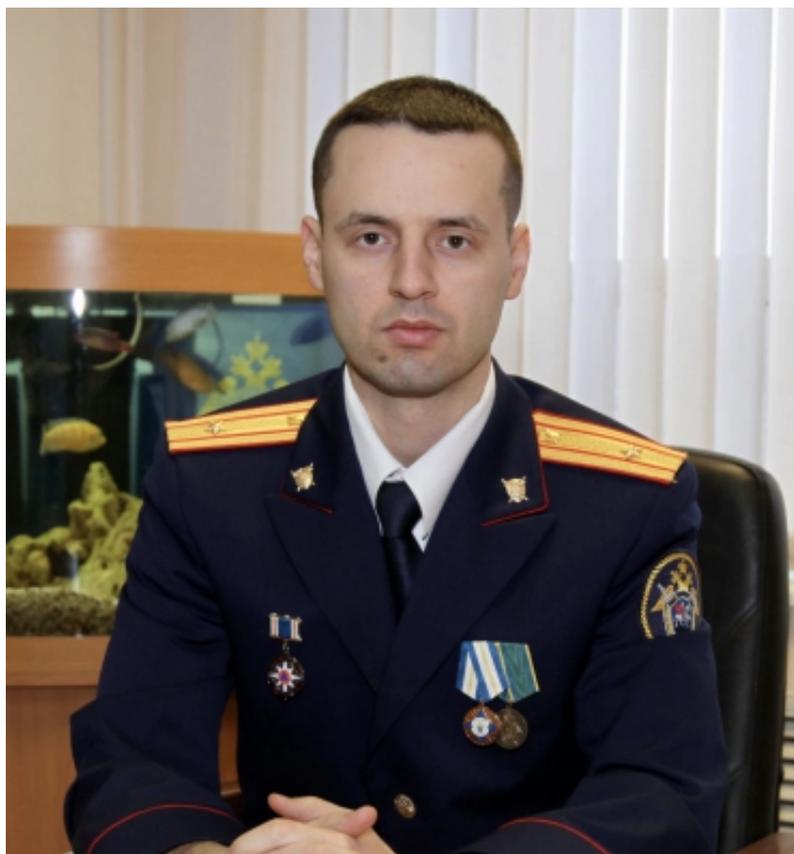

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

06.02.2020 на сайте удмуртского информационного портала «Сусанин» в рубрике «Тема дня» опубликовано интервью руководителя отделения по расследованию особо важных дел (о преступлениях прошлых лет) следственного управления СК России по Удмуртской Республике майора юстиции Кирилла Саранцева «Дела давно минувших дней», в котором офицер рассказал о первых результатах работы недавно созданного подразделения, а также поделился своими мыслями на тему, почему нужно возвращаться к расследованию преступлений, совершенных годы и даже десятилетия назад, что такое справедливость и существуют ли идеальные преступления.

Автор: Ксения Чернова

<https://susanin.news/articles/dela-davno-minuvshikh-dney/>

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

В 2019 году в Удмуртии появился отдел следователей, которые занимаются раскрытием преступлений прошлых лет. Почему нужно возвращаться к расследованию? Что такое справедливость? Существуют ли идеальные преступления? Об этом и многом другом информгентству «Сусанин» рассказал руководитель отделения по расследованию особо важных дел (о преступлениях прошлых лет) Кирилл Саранцев.

Для начала о том, что такое преступления прошлых лет. Это те деяния, уголовные дела по которым были приостановлены. При этом предварительное следствие могут приостановить по разным причинам: не смогли выяснить, кто совершил преступление, не смогли найти подозреваемого и он объявлен в розыск. Такие дела обычно остаются у следователей, которые вынесли постановления о приостановлении. Время от времени к ним возвращаются, но чаще всего они становятся так называемыми «висяками». Всего таких дел в Удмуртии накопилось около 900, в их числе 600 дел - об убийствах.

«Объем работы большой, и это очень специфичная работа. У следователя в районном подразделении огромный вал, материалы, уголовные дела, а ему еще нужно параллельно преступления прошлых лет раскрывать. Поэтому было решено, что это направление должно быть закреплено за конкретными людьми, которые не будут заниматься ничем, кроме этих дел», – объясняет Кирилл Саранцев.

Его отдел состоит из трех человек. Они скрупулезно изучают оставшиеся нераскрытыми дела, выбирают те, которые есть шанс раскрыть. В прошлом году, например, следственному управлению по Удмуртской Республике удалось завершить расследование по 65 уголовным делам, в том числе – убийств и изнасилований. Конечно, ежегодно в «копилке» следователей появляются новые «висяки», но их гораздо меньше тех, что раскрывают Кирилл Саранцев и его коллеги.

А как же сроки давности, спросите вы. Конечно, у многих дел, предварительное следствие по которым приостановлено, они истекают. Однако если постановление вынесено из-за розыска подозреваемого или обвиняемого, то и течение срока давности приостанавливается. Есть категории преступлений, по которым сроки давности отсутствуют, и решение об их применении принимается только судом.

«Иногда мы раскрываем преступления старые, 90-х годов, но привлечь к уголовной ответственности виновных не можем из-за истечения срока давности. Принимаем решение о прекращении уголовного преследования. Для некоторых это дико, потерпевшие и

представители общественности задают вопросы, как же так? Но таков закон. Законодатель, реализуя в уголовном судопроизводстве принцип гуманизма, исходил из нецелесообразности применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения. Но потерпевшим это не объяснить», – объясняет Саранцев.

К слову, полную картину преступлений, совершенных в «лихие 90-е», установить тяжелее всего. Нередко и потерпевшие, и вероятные преступники уже мертвы, но следователи все равно не спешат прекратить расследование.

«Мы не берем сюда следователей без опыта работы. Мои сотрудники – состоявшиеся профессионалы, они имеют хороший опыт крепкой следственной работы и творческое мышление, – рассказывает Саранцев, и на мое удивление уточняет, – да-да. Вот представьте себе, что на первоначальном этапе расследовали дело, приложили все усилия, но раскрыть так и не смогли. А мы должны сейчас, спустя несколько лет, попытаться это сделать. Если не поменять подход, если не посмотреть на ситуацию с какой-то другой стороны, не проанализировать, что там происходило, не выдвинуть какие-то другие версии, не найти новые способы их доказывания, то смысла и результата наша работа иметь не будет».

Работа с делом начинается с изучения всех материалов, затем приходит очередь вещественных доказательств. Потом следователям придется отработать старые версии. Кирилл Саранцев отмечает, что в большинстве случаев подтверждают первоначальные наработки. Например, в прошлом году удалось раскрыть убийство девушки в Глазовском районе, совершенное 21 год назад.

«Изначально следователи понимали, что этот мужчина – единственный, кто мог её убить. Его и свидетели, и очевидцы фиксировали как последнего, кто с ней общался. Но других доказательств не было. Не было тогда генотипоскопической экспертизы. Но мы к нему вернулись, провели в отношении него комплекс оперативно-розыскных мероприятий и установили причастность. Нашли и раскрыли, – рассказывает следователь. – Раньше не было экспертиз, потом не было базы генотипов, с которыми можно было бы сравнивать. Сейчас мы бы сделали сыв с шеи жертвы и нашли генотип преступника, генотипоскопическая экспертиза позволяет это сделать».

Технологии спешат на помощь

Генотипоскопическую экспертизу Кирилл Александрович называет большим подспорьем. По его словам, она помогает раскрыть многие убийства, а в случае с изнасилованиями является ключевым элементом: «Мы берем вещественные доказательства по таким делам (мазки и все прочее), отправляем их на экспертизу, находим генотип преступника, потом прогоняем через базу».

В сентябре 2003 года в Ижевске мужчина с электрошокером напал на девушку, возвращавшуюся домой от подруги, затащил ее в кусты и изнасиловал. Он забыл об этом на долгих 16 лет, дело осталось нераскрытым. В последующем злоумышленник успел отсидеть в колонии за аналогичное преступление. Его генотип занесли в базу. В январе 2020 следователи вернулись к старому делу об изнасиловании. Они направили биологические следы на экспертизу, с помощью базы вышли на преступника.

«Следователь выехала, изучила это уголовное дело, вещественные доказательства по нему. Зацепиться там было не за что, потерпевшая очень смутно его видела, и к тому же он воздействовал на нее электрошокером, опознать она его, скорее всего, не смогла бы, но были биологические следы. Мы отправили их на экспертизу и нашли человека. Его генотип попал в базу после совершения второго преступления», – делится Саранцев.

База пополняется каждый год, делается это разными способами. Например, в ходе расследования дела о сексуальном насилии в отношении маленькой девочки правоохранители предложили сдать биологический материал всем мужчинам, жившим в подъезде, где произошел инцидент. Появилась возможность проверить их на причастность к упомянутому случаю, к старым преступлениям и упростить расследование, если кто-то из сдававших совершит злодеяние в будущем.

«При этом след, из которого можно выделить генотип, может быть любым. Поможет даже стертый, неполный отпечаток пальца, – делится Кирилл Саранцев. Он уверен: следователи все равно найдут следы, тем более что теперь у них на вооружении современные технологии, такие как криминалистический свет, полиграф. – У нас было дело по воткинской банде. У них была печь, они все трупы сжигали. Из оставшейся там золы мы смогли получить частички костей, выделить генотип и определить принадлежность. При этом самого трупа нет, а причину смерти установить невозможно».

Однако и проверенные методы до сих пор помогают раскрывать преступления. Например, четвероногие правоохранители проводят ольфакторную экспертизу.

«Она определяет запаховый след человека. Эту экспертизу проводят 10 собак. Им выставляют несколько предметов, дают запахи, они должны идентифицировать их. Если хотя бы одна собака идентифицирует не так, как остальные, результаты будут считаться недействительными», – объяснил следователь.

Такой запаховый след сыграл важную роль в расследовании убийства четырехлетнего мальчика в Глазове. Доказать вину соседки удалось только благодаря тому, что запахи – её и малыша – остались на подвеске и цепочке, которую мальчик сорвал с женщины во время борьбы за свою жизнь.

В век высоких технологий появляется все больше средств, которые связаны с анализом

информации, с работой с мобильными устройствами. В целом же весь комплекс экспертиз позволяет почти со стопроцентной уверенностью назвать вероятного преступника.

«Идеальных преступлений не бывает. В прошлые годы не было тех методов и способов расследования, которые мы сейчас используем. Это касается и криминалистической техники, и экспертиз, и в целом следователи иначе мыслили, и уголовно-процессуальный закон был другим немного. Если бы все это было в то время, то нераскрытых преступлений было бы в разы меньше», – уверен Саранцев.

Он рассуждает о методах, которые могут облегчить работу следователей. В их числе – обязательная геномная регистрация: «Я за расширение базы, за введение геномной регистрации, за единый документ, за то, чтобы у человека был только один номер телефона».

Человеческий фактор

Годы идут, люди меняются, забывается старая дружба, распадаются браки. Все это тоже способствует раскрытию преступлений.

«Допустим, совершила банда из трех человек убийство. Все знали, что это они его совершили, но доказать не могли. И они были друг другу как братья. Прошло 10 лет, они поссорились. Или муж с женой сначала были неразлучны, потом развелись, обиделись друг на друга. Ситуация меняется, отношения людей меняется, мировоззрение. Человек с возрастом может понять, что покрывать того, кто насилует детей, нельзя», – рассказывает Кирилл Саранцев.

По его словам, многие преступники, оставшись непоиманными, годами мучают себя переживаниями, а когда правоохранители к ним все же приходят, говорят: «Ну, наконец-то. Я уже устал ждать». Сами при этом сдаваться не спешат, следователям приходится постараться.

В своей работе Саранцев и его сотрудники постоянно сталкиваются с человеческим фактором. Это и особенности памяти, и последствия стресса, и невнимательность свидетелей. К слову, свидетели, пожалуй, тоже являются проблемной категорией.

«К нам никто не приходит с радостью. Потерпевшие приходят потому, что у них беда, обвиняемые – потому, что мы их заставляем. Ни те, ни другие, быть у нас не хотят. И свидетели тоже, они все считают, что тратят свое время, несут расходы и испытывают неудобство. «Я ничего не знаю, я ничего не помню». Они действительно могут помочь, но предпочитают абстрагироваться от этой ситуации. А потом беда касается и их, они приходят, но уже другие люди не хотят быть свидетелями», – объясняет следователь.

Он призывает всех не оставаться равнодушными к чужой беде, не возлагать заботу о безопасности только на плечи правоохранителей. «Расследовать преступления было бы проще,

если бы люди понимали, что от их сознательности зависит их же безопасность».

«Это парадокс: люди хотят жить в безопасном обществе, но не хотят прилагать к этому никаких усилий; люди доверили этот участок правоохранительным органам, но относятся к ним негативно, неуважительно. Те выражения, которые люди употребляют по отношению к сотрудникам полиции, о многом говорят, но когда работаешь в этой отрасли, видишь, сколько труда они (сотрудники) вкладывают, какую тяжелую работу они делают», – рассказывает Кирилл Александрович.

В чем справедливость, брат?

«Я считаю, что каждый получит то, чего он заслуживает. И даже бывает так, что «отложенное» наказание будет более ощутимым. Человек уже завел семью, начал новую жизнь, а тут ему привет из прошлого», – считает Саранцев.

На вопрос о том, есть ли реальная возможность раскрыть все 900 преступлений, Кирилл Александрович отвечает длинным рассуждением:

«Для чего раскрывать преступления? Чтобы справедливость восторжествовала. А что такое справедливость? Обязательно ли для справедливости должна быть уголовная ответственность? Есть люди, которые всю жизнь сидят, для него лишние три года за счастье. Это не справедливость. Бывает, что справедливость наступает внезапно. Один обвиняемый, который в составе группы лиц совершал преступления, к следователю ехал, по пути попал в смертельное ДТП. Человек может всю жизнь совершать преступления, а потом мучительно умирать от рака. Это справедливость или нет? Справедливость – это философское понятие, и в некоторых случаях она наступает без нашей воли. Если ответить на вопрос коротко, то большую часть дел можно раскрыть, но есть и дела, которые мы никогда не «поднимем» Вместе с тем, это совершенно не означает, что возмездия не будет».

Саранцев рассказывает, что торжество справедливости не всегда приносит потерпевшим чувство облегчения или удовлетворения. Зачастую жертвы готовы позволить злоумышленнику остаться на свободе, чтобы не ворошить прошлое.

По его словам, люди не просто хотят забыть о произошедшем, для них стрессом стало само общение с правоохранителями. Потерпевшие не спешат благодарить стражей порядка.

«Я служу 13 лет, за весь период моей службы с благодарностью пришел только один потерпевший. Я расследовал дело о медицинской ошибке, в одном из учреждений здравоохранения у мужчины сына неправильно лечили, он погиб. Спустя год в день смерти сына мужчина обратился в управление с письмом, поблагодарил меня и попросил поощрить», – делится Саранцев.

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Удмуртской Республике

Это единственный случай, когда потерпевший выразил свою благодарность, отмечает следователь: «Родители убитого сына не обрадуются тому, что мы нашли преступника, поскольку сына их к жизни это не вернет. Но мы продолжаем искать, чтобы другие были живы».

Адрес страницы: <https://udm.sledcom.ru/folder/878447/item/1437704>